

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО
«ХАЙДАРОВ (KHAYDAROV) ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

(Жалоба № 21055/09)

Постановление Суда

СТРАСБУРГ

20 мая 2010 г.

Настоящее постановление станет окончательным при наступлении обстоятельств, изложенных в Статье 44 § 2 Конвенции. Оно может быть предметом редакторских правок.

По делу «Хайдаров против Российской Федерации» Европейский Суд по правам человека (Первая секция), заседающий Палатой в составе:

Христоса Розакиса, *Председателя Палаты Суда*,
Анатолия Ковлера,
Элизабет Штейнер,
Дина Шпильманна
Сверре Эрик Йебенс,
Джорджио Малинверни,
Георге Николау, *судей*
а также при участии С. Нильсена, *Секретаря Секции Суда*,
заседая 29 апреля 2010 года за закрытыми дверями,
вынес в тот же день следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Настоящее дело инициировано жалобой (№21055/09), поданной в Европейский Суд 22 апреля 2009 года против Российской Федерации гражданином Таджикистана Мамурджоном Рахимджоновичем Хайдаровым (далее «заявитель»), в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее «Конвенция»)
2. Интересы заявителя представляли г-жа Р. Магомедова и г-жа Е. Рябинина, адвокаты, практикующие в г. Москве. Власти Российской Федерации (далее «Власти») были представлены уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека г-ном Г. Матюшкиным.
3. 23 апреля 2009 года Председатель Первой Секции принял решение о применении Правил 39 и 41 Регламента Европейского Суда, тем самым обязав Власти не выдавать заявителя в Таджикистан без получения дополнительного уведомления, и установив приоритетность рассмотрения жалобы.
4. 3 июля 2009 года Председатель Первой Секции принял решение уведомить Власти о полученной жалобе. Он также принял решение одновременно рассмотреть жалобу по существу и по вопросу приемлемости (Статья 29 § 3).

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявитель родился в 1958 году и проживает в городе Душанбе, Таджикистан. В настоящее время он содержится под стражей в СИЗО города Москвы.

А. Предыстория дела

1. Гражданская война в Таджикистане

6. В мае 1992 года в Таджикистане началась гражданская война. Национальные группы, представленные в меньшем количестве в правящей элите, восстали против правительства Президента Набиева. Политические меньшинства, выражающие свое недовольство, были представлены либеральными демократическими реформистами и исламистами, которые сражались вместе, а позднее сформировали Объединенную таджикскую оппозицию (далее «ОТО»). К июню 1997 года пятьдесят из сотни тысяч людей были убиты. 27 июня 1997 года Президент Рахмонов и лидер ОТО подписали соглашение о мире. Однако в августе 1997 года в нескольких регионах Таджикистана снова были развернуты военные действия, спровоцированные оппозиционной группой. Вооруженные силы правительства ответили такими же действиями и заставили вооруженную фракцию оппозиционной группы искать убежище в Узбекистане.

2. Сообщение заявителя о событиях августа 1997 года

7. Заявитель, являющийся узбеком по национальности, проживал в деревне в Шахринавском районе, Таджикистан. Население деревни, главным образом, составляли граждане узбекской национальности. В конце 1990-х годов в Таджикистане начались крупномасштабные гонения граждан узбекской национальности. На деревню заявителя было совершено несколько вооруженных нападений, некоторые из его знакомых были убиты.

8. Местная администрация деревни, в которой проживал заявитель, приняла решение о создании ряда контрольно-пропускных пунктов на въезде в деревню, чтобы защитить жителей, и обеспечили работников пунктов огнестрельным оружием. Заявителю огнестрельного оружия не выдавали.

9. В августе 1997 года на деревню снова было совершено нападение, после чего несколько членов местного ополчения и заявитель бежали в Узбекистан.

3. Последующие события

10. В феврале 1998 года заявитель приехал в Россию.

11. Несколько раз заявитель ездил из России в Таджикистан. Он получил таджикские документы, удостоверяющие личность, и заграничный паспорт в 2002 и 2004 году, соответственно. Последний раз он ездил в Таджикистан в 2005 году.

12. 6 февраля 2001 года Генеральная прокуратура Таджикистана возбудила уголовное дело в отношении г-на М., односельчанина заявителя, который участвовал в ополчении и

бежал в Узбекистан в августе 1997 года. Ему было предъявлено обвинение в бандитизме и организации незаконной вооруженной группировки. Заявитель числился в списке членов этой группировки.

В. Уголовное судопроизводство в отношении заявителя

13. 16 января 2006 года Генеральная прокуратура Таджикистана вынесла решение о предъявлении обвинения заявителю, утверждая, что в августе 1997 года он являлся членом незаконной вооруженной группировки, организованной г-ном М., и что такие действия представляли акт бандитизма, за который предусмотрено наказание по Статье 74 Уголовного кодекса Таджикистана. Также было принято решение о внесении заявителя в список лиц, находящихся в розыске.

14. 17 февраля 2006 года Генеральная прокуратура Таджикистана в отсутствие заявителя приняла решение о его заключении под стражу.

15. 15 апреля 2006 года заявитель был внесен в список лиц, находящихся в международном розыске.

16. 19 июля 2006 года расследование по делу заявителя было приостановлено, так как заявитель находился на свободе.

17. 13 марта 2008 года Генеральная прокуратура Таджикистана выделила дело заявителя в отдельное производство. В той мере, в которой это относится к делу, в решении указывалось следующее:

«В начале августа 1997 года [г-н М.], пользуясь нестабильной ситуацией в Таджикистане, создал незаконную вооруженную группировку для совершения нападений на юридических и физических лиц. Группа вела активную деятельность до конца августа 1997 года.

...

В начале августа 1997 года г-н Хайдаров добровольно вступил в незаконную вооруженную группировку и участвовал в боевых действиях.

9 и 10 августа 1997 года, после того как на территорию Шахринавского района прибыли сотрудники правоохранительных органов, вооруженная группировка г-на М. бежала с территории района и покинула Таджикистан».

С. Судебное разбирательство по вопросу экстрадиции

18. 18 апреля 2008 года Генеральная прокуратура Таджикистана направила запрос о выдаче заявителя в Генеральную прокуратуру России, утверждая, что в августе 1997 года заявитель являлся членом незаконной вооруженной группировки, созданной г-ном М.

19. 24 апреля 2008 года Генеральная прокуратура России получила от Генеральной прокуратуры Таджикистана запрос о выдаче заявителя.

20. 13 июня 2008 года Генеральная прокуратура Таджикистана направила в Генеральную прокуратуру России дополнительные документы, в которых утверждалось, что заявитель участвовал в группировке г-на М., которая воевала с правительственными войсками, и что он носил оружие и руководил контрольно-пропускным пунктом в деревне в Таджикистане.

21. 20 ноября 2008 года Генеральная прокуратура России вынесла постановление о выдаче заявителя в Таджикистан. Помимо прочего, в решении указывалось следующее:

«Деяния [г-на] М. Хайдарова являются уголовно наказуемыми согласно российскому законодательству и квалифицируются по Статье 209 § 2 Уголовного кодекса Российской Федерации (бандитизм), которая предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок более одного года.

... Никаких [правовых] препятствий для выдачи [г-на] М. Хайдарова в соответствии с договорами и законодательством России не установлено».

22. 3 декабря 2008 года заявитель был уведомлен о постановлении о выдаче от 20 ноября 2008 года.

23. 4 и 5 декабря 2008 года соответственно заявитель и его адвокат обжаловали постановление от 20 ноября 2008 года. В жалобе заявитель утверждал, что он подвергался преследованию в Таджикистане по политическим мотивам, связанным с гражданской войной.

24. 23 декабря 2008 года Московский городской суд по требованию адвоката заявителя включил в материалы дела доклады международных НПО о политической обстановке в Таджикистане и отложил его разбирательство, поскольку жалоба заявителя на отказ в предоставлении ему убежища еще не была рассмотрена.

25. 21 января 2009 года Московский городской суд снова отложил слушание до завершения рассмотрения жалобы на отказ в предоставлении убежища заявителю и запросил дополнительные документы из Генеральной прокуратуры России по обвинениям, предъявляемым заявителю в Таджикистане.

26. 4 февраля 2009 года Московский городской суд направил в российское и таджикское министерства иностранных дел запросы о получении информации, касающейся утверждений заявителя о риске жестокого обращения. Также суд обратился в Генеральную прокуратуру России о возможности предоставления заявителю амнистии в Таджикистане, и отложил рассмотрение жалобы на постановление о выдаче заявителя до завершения рассмотрения вопроса о предоставлении ему убежища.

27. 17 февраля 2009 года Генеральная прокуратура России сообщила Городскому суду, что заявитель не мог воспользоваться правами, предоставленными законом об амнистии в Таджикистане.

28. 26 февраля и 12 марта 2009 года Московский городской суд снова направил запрос в российское и таджикское министерства иностранных дел о получении информации, касательно утверждений заявителя о риске жестокого обращения.

29. 27 февраля 2009 года Московский городской суд снова отложил слушание дела.

30. 24 марта 2009 года Министерство иностранных дел России сообщило Московскому городскому суду, что оно не располагает информацией о преследовании заявителя по каким-либо политическим мотивам, и отметило, что Таджикистан ратифицировал почти все значимые документы по правам человека, включая Международный пакт о гражданских и политических правах и Конвенцию ООН против пыток.

31. 1 апреля 2009 года Московский городской суд опросил г-жу Рябинину, члена Экспертного Совета при Уполномоченном по правам человека в РФ, которая утверждала, что пытки и жестокое обращение широко распространены в Таджикистане.

32. В тот же день Московский городской суд отклонил в первой инстанции обе жалобы, поданные заявителем и его адвокатом на постановление от 20 ноября 2008 года. Суд мотивировал свое решение тем, что заявитель добровольно покинул Таджикистан в 1997 году и после этого мог свободно въезжать в страну. Суд указал на то, что Генеральная прокуратура Таджикистана гарантировала отсутствие преследования заявителя по политическим или религиозным мотивам, и что Таджикистан ратифицировал почти все основные международные документы по правам человека. Утверждение заявителя о том, что он подвергнулся преследованию в связи с гражданской войной, суд оставил без внимания.

33. 6 апреля 2009 года адвокат заявителя подала апелляционную жалобу на решение Московского городского суда.

34. 10 апреля 2009 года Генеральная прокуратура Таджикистана уведомила Генеральную прокуратуру России о следующем:

«Уголовное судопроизводство в отношении [г-на] Хайдарова не было спровоцировано какими-либо политическими мотивами, и Генеральная прокуратура Таджикистана гарантирует, что [г-н] Хайдаров будет преследоваться в судебном порядке только в отношении действий, в совершении которых он обвиняется. Г-н Хайдаров сможет свободно покинуть территорию Таджикистана после завершения судебного разбирательства и отбывания срока наказания. Заявитель не будет выдан третьему государству без согласия органов власти России, и не будет подвергаться преследованию по политическим и религиозным мотивам».

35. 14 мая 2009 года Верховный суд России (далее «Верховный суд») отменил постановление Московского городского суда от 1 апреля 2009 года, так как суд не уделил должного внимания доводам адвоката заявителя о том, что преступление, в котором обвинялся заявитель, носило политический характер. Более того, Верховный суд установил, что Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев в Российской Федерации (далее «УВКБ ООН в России») подтвердило, что опасения заявителя относительно политического преследования были обоснованными. Материалы дела были возвращены в Московский городской суд для нового рассмотрения.

36. 26 мая 2009 года Генеральная прокуратура Таджикистана сообщила Генеральной прокуратуре России, что Таджикистан ратифицировал Конвенцию ООН против пыток.

37. 3 июня 2009 года Московский городской суд повторно рассмотрел жалобы на постановление о выдаче заявителя. Суд пояснил, что заявитель являлся гражданином Таджикистана, не имел статуса беженца и, по данным Генеральной прокуратуры Таджикистана, не преследовался по политическим или религиозным мотивам. Суд также указал на то, что заявитель подал ходатайство о предоставлении временного убежища только 6 апреля 2009 года и пришел к заключению, что данный факт не мог препятствовать рассмотрению жалоб на постановление о выдаче. Суд также сослался на заверения Генеральной прокуратуры Таджикистана, полученные от 10 апреля и 26 мая 2009 года, о том, что заявитель не будет подвергаться преследованию по политическим и религиозным мотивам. В связи с этим суд отказал в рассмотрении доклада г-жи Рябиной в виду его необоснованности, утверждая, что заверений было достаточно для того, чтобы исключить риск жестокого обращения с заявителем. Утверждения заявителя о том, что уголовное судопроизводство в отношении него было связано с событиями гражданской войны, суд оставил без внимания.

38. 30 июля 2009 года Верховный суд оставил без изменения постановление Московского городского суда от 3 июня 2009 года. Верховный суд пояснил, что Таджикистан ратифицировал Конвенцию ООН против пыток и сослался на заверения, предоставленные Генеральной прокуратурой Таджикистана. В тот же день постановление о выдаче вступило в силу.

D. Судебное разбирательство по вопросу предоставления убежища

39. 17 июня 2008 года заявитель подал ходатайство в Управление Федеральной миграционной службы по городу Москве (далее «ФМС города Москвы») о предоставлении ему убежища, утверждая, что органы власти Таджикистана преследовали его в связи с его национальностью.

40. 6 октября 2008 года ходатайство о предоставлении убежища было отклонено, о чем заявитель был уведомлен 1 ноября 2008 года.

41. 28 января 2009 года Замоскворецкий районный суд города Москвы отказал в удовлетворении жалобы на решение ФМС города Москвы.

42. 26 марта 2009 года Московский городской суд оставил без изменения постановление суда от 28 января 2009 года.

43. 6 мая 2009 года Верховный комиссар ООН по делам беженцев объявил, что заявителю необходима международная защита.

44. 22 сентября 2009 года ФМС города Москвы отклонила ходатайство заявителя о предоставлении ему временного убежища и уведомила его об этом 4 октября 2009 года.

45. Заявитель обжаловал отказ в предоставлении ему убежища в Федеральную миграционную службу России (далее «ФМС России»).

46. 13 ноября 2009 года УВКБ ООН в России направило в ФМС России доклад в поддержку ходатайства заявителя о предоставлении ему временного убежища, утверждая, что существует реальная опасность жестокого обращения с заявителем в Таджикистане. В частности, в докладе указывалось следующее:

«Утверждения г-на Хайдарова [о риске жестокого обращения] подтверждены многочисленными документами, касающимися событий 1997-98 годов в Таджикистане. ... Граждане узбекской национальности подвергались притеснениям и преследованию. Поступали доклады о многочисленных убийствах граждан до и в течение вооруженного конфликта в августе 1997 года, который привел к массовому бегству граждан узбекской национальности из северных районов Таджикистана, в частности, в Узбекистан.

Рассмотрев ходатайство г-на Хайдарова и оценив его опасения относительно возвращения в Таджикистан, УВКБ ООН установило, что ходатайство г-на Хайдарова и его опасения подвергнуться преследованию, на основании обвинений политического характера, предъявляемых ему, а также задержание, пытки с целью получения уличающих его показаний, незаконный и несправедливый суд и продолжительное содержание под стражей в связи с действиями, которые он не совершал, являются достаточно обоснованными.

... Имеются достаточные основания полагать, что уголовное судопроизводство, проводимое таджикскими органами власти в отношении заявителя, может быть классифицировано как преследование за политические убеждения, приписываемые заявителю. [Таджикские органы власти] обвиняют заявителя в антигосударственной деятельности в виду того, что он являлся членом группы ополчения, подозреваемых в причастности к вооруженному конфликту в августе 1997 года.

...

УВКБ ООН высказывает серьезную озабоченность в том, что г-н Хайдаров будет подвергнут пыткам и прочим нарушениям основных прав человека, что в свою очередь приведет к еще большему риску преследования по причине приписываемых ему

политических убеждений. ... [Г-н Хайдаров] соответствует определению «беженца» по смыслу Конвенции ООН о статусе беженцев 1951 года и российского закона о беженцах.

... Г-н Хайдаров обвиняется в ... бандитизме. Однако следует обратить внимание на то, что уголовное дело по обвинению г-на Хайдарова было возбуждено в 2001 году, а предварительное расследование касательно г-на Хайдарова было приостановлено в 2006 году. Это означает, что в течение длительного периода не было найдено никаких доказательств его виновности и что запрашивающее Государство не имеет таких доказательств.

Таджикские органы власти не предоставили ни одного доказательства преступной деятельности г-на Хайдарова в стране его происхождения, а документы, предоставленные властями Таджикистана в качестве основания для его выдачи, являются противоречивыми. ... УВКБ ООН приходит к заключению, что отсутствуют достоверные доказательства того, что г-н Хайдаров занимался преступной деятельностью, а именно бандитизмом, находясь на территории Таджикистана».

Е. Заключение заявителя под стражу

47. 17 апреля 2008 года заявитель был задержан в Москве как лицо, разыскиваемое таджикскими органами власти. В момент задержания заявитель впервые узнал, что в отношении него возбуждено уголовное дело. В тот же день Министерство внутренних дел Таджикистана направило в органы внутренних дел России требование о заключении заявителя под стражу согласно Минской конвенции.

48. Заявитель был помещен в СИЗО ИЗ-77/4 города Москвы.

49. 19 апреля 2008 года Таганский районный суд города Москвы вынес решение о заключении заявителя под стражу до решения вопроса об экстрадиции согласно Статьям 97, 99 и 108 и Статье 466 § 1 Уголовно-процессуального кодекса России (УПК). Суд постановил, что 19 июля 2006 года заявитель был внесен в список лиц, находящихся в розыске, и не имел постоянного места жительства в России. Таким образом, суд пришел к выводу, что если заявителя не заключить под стражу, он может скрыться, и это затруднит его выдачу в Таджикистан. Срок заключения под стражу установлен не был.

50. 18 июня 2008 года Таганский районный суд вновь вынес постановление о заключении заявителя под стражу согласно Статьям 108 и 466 УПК на неопределенный срок. Суд пояснил, что нельзя применить менее суровую меру пресечения, так как заявитель находился на свободе с 1996 года, являлся гражданином Таджикистана, не был зарегистрирован по месту жительства в России и обвинялся в преступлении, которое наказывается лишением свободы на срок более двух лет.

51. 6 октября 2008 года адвокат заявителя обратилась к начальнику СИЗО ИЗ-77/4 с ходатайством об освобождении заявителя из-под стражи, утверждая, что максимальный срок заключения под стражу, предусмотренный внутригосударственным

законодательством, истек. 16 октября 2008 года начальник СИЗО ответил, что заявитель не обжаловал постановление от 18 июня 2008 года о его заключении под стражу, и что вопрос о его освобождении из-под стражи должен быть решен Генеральной прокуратурой России.

52. 1 декабря 2008 года адвокат заявителя подала жалобу в Бабушкинский районный суд города Москвы в связи с тем, что заключение заявителя под стражу было неправомерным.

53. 10 декабря 2008 года Бабушкинский районный суд сообщил адвокату заявителя об отсутствии полномочий рассматривать жалобу.

54. 23 января 2009 года адвокат заявителя подала жалобу в Тверской районный суд города Москвы согласно Статье 125 УПК в связи с тем, что Генеральная прокуратура России не обращалась с ходатайством в суд о продлении срока заключения заявителя под стражу в нарушение требований Статьи 109 УПК. 27 января 2009 года. Председатель Тверского районного суда вернул жалобу для устранения неточностей.

55. 4 мая 2009 года адвокат заявителя подала еще одну жалобу в Замоскворецкий районный суд города Москвы согласно Статье 125 УПК, заявив о бездействии Генеральной прокуратуры России.

56. 7 мая 2009 года Замоскворецкий районный суд отказал в рассмотрении жалобы заявителя от 4 мая 2009 года по той причине, что ее существо не подпадало под действие Статьи 125 УПК.

57. 14 мая 2009 года Верховный суд постановил оставить меру пресечения без изменения в отношении заявителя до 4 июня 2009 года.

58. 3 июня 2009 года Московский городской суд принял решение не менять меру пресечения в отношении заявителя.

59. 27 июля 2009 года Московский городской суд отменил решение Замоскворецкого районного суда от 7 мая 2009 года и направил дело в суд первой инстанции на новое рассмотрение.

60. 4 сентября 2009 года Замоскворецкий районный суд снова отклонил жалобу заявителя, указав, что Статья 125 УПК не может быть применена в его деле, поскольку в России в отношении заявителя не возбуждено уголовное судопроизводство. Суд пояснил следующее:

«Требование [заявителя] о признании бездействия московской прокуратуры неправомерным ввиду неисполнения ее функции по надзору за соблюдением законности в местах лишения свободы нельзя рассматривать в свете Статьи 125 УПК, поскольку

надзор, осуществляемый прокурорами за режимом содержания под стражей, не связан с уголовным судопроизводством, возбужденным против [г-на] Хайдарова.

Действия и бездействие сотрудников органов прокуратуры могут быть оспорены посредством другой процедуры, не предусмотренной Статьей 125 УПК.

Требование о продлении срока заключения под стражу является исключительным правом компетентных органов, и суд не имеет полномочий принуждать [такие органы] к предъявлению таких требований».

61. 11 сентября 2009 года адвокат заявителя подала апелляционную жалобу на постановление от 4 сентября 2009 года.

62. 14 сентября 2009 года адвокат заявителя подала жалобу в Таганский районный суд о неправомерности заключения заявителя под стражу. Ссылаясь на Статью 5 § 4 Конвенции, она заявила, что в деле заявителя была нарушена Статья 109 УПК, так как срок заключения заявителя под стражу не был продлен на законных основаниях, и в суде не оспаривалась правомерность заключения его под стражу.

63. 16 сентября 2009 года Таганский районный суд постановил, что заявитель был вправе обжаловать определение суда об избрании меры пресечения в отношении него, и что других средств правовой защиты для обжалования неправомерности заключения его под стражу не было.

64. 5 октября 2009 года адвокат заявителя обжаловала отказ в рассмотрении жалобы. 13 октября 2009 года Таганский районный суд постановил, что данный отказ обжалованию не подлежит.

65. 26 октября 2009 года Московский городской суд отклонил жалобу на постановление от 4 сентября 2009 года.

66. 8 декабря 2009 года адвокат заявителя направила ходатайство в Генеральную прокуратуру России об освобождении заявителя из-под стражи.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

A. Уголовно-процессуальный кодекс (УПК)

67. Глава 13 УПК регулирует применение мер пресечения. Меры пресечения могут применяться к обвиняемому и подозреваемому, если существует вероятность того, что рассматриваемое лицо скроется, может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу (Статья 97). При решении вопроса о необходимости избрания меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого, следует

учитывать тяжесть преступления, сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства (Статья 99). Заключение под стражу в качестве меры пресечения применяется по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, за которые уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше двух лет при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения. (Статья 108 § 1). При необходимости избрания в качестве меры пресечения заключения под стражу следователь с согласия руководителя следственного органа, а также дознаватель с согласия прокурора возбуждают перед судом соответствующее ходатайство (Статья 108 § 3). Постановление о возбуждении ходатайства об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу подлежит рассмотрению единолично судьей районного суда или военного суда соответствующего уровня (Статья 108 § 4). Постановление судьи об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу или об отказе в этом может быть обжаловано в вышестоящий суд в течение 3 суток со дня его вынесения (Статья 108 § 11). Содержание под стражей при расследовании преступлений не может превышать два месяца (Статья 109 § 1), но может быть продлено на срок до шести месяцев судьей районного суда или военного суда соответствующего уровня (по ходатайству следователя, внесенному с согласия руководителя соответствующего следственного органа по субъекту Российской Федерации, иного приравненного к нему руководителя следственного органа либо по ходатайству дознавателя) (Статья 109 § 2). Дальнейшее продление срока может быть осуществлено в отношении лиц, обвиняемых в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, по ходатайству следователя, внесенному с согласия прокурора субъекта Российской Федерации, до 12 месяцев (Статья 109 § 3).

68. Глава 16 УПК устанавливает порядок обжалования действий и решений суда или должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство. Постановления дознавателя, следователя, руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, а равно иные решения и действия (бездействие) дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию, могут быть обжалованы в суде (Статья 125).

69. При получении от иностранного государства запроса о выдаче лица, если при этом не представлено решение судебного органа об избрании в отношении данного лица меры пресечения в виде заключения под стражу, Генеральный прокурор или его заместитель в целях обеспечения возможности выдачи лица решает вопрос о необходимости избрания ему меры пресечения в порядке, предусмотренном Кодексом (Статья 466 § 1).

В. Определения Конституционного Суда России

1. Определение Конституционного Суда №101-О от 4 апреля 2006 года

70. Проверяя соответствие части первой статьи 466 УПК РФ Конституции РФ, Конституционный Суд сослался на ранее принятое им решение о том, что избыточное, неограниченное по продолжительности, произвольное и неконтролируемое содержание под стражей несовместимо с частью 1 статьи 22 Конституции Российской Федерации и пунктом 3 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах («Пакт»), включая дела об экстрадиции.

71. По мнению Конституционного суда, отсутствие особого положения по вопросу заключения под стражу в Статье 466 § 1 не создает пробела в праве, несоответствующего Конституции. Статья 8 § 1 Минской конвенции предусматривает, что при исполнении поручения об оказании правовой помощи запрашиваемое учреждение применяет законодательство своей страны, то есть в данном случае - порядок, предусмотренный УПК. В частности, к такому порядку относится Статья 466 § 1 УПК и нормы, изложенные в Главе 13 УПК («Меры пресечения»), которые в виду своего общего характера и положения в Части I УПК («Общие положения») применяются ко всем этапам уголовного судопроизводства, включая производство по рассмотрению требований об экстрадиции.

72. По мнению Конституционного Суда, гарантии права на свободу и личную неприкосновенность, закрепленные в Статье 22 и главе 2 Конституции, также как и нормы главы 13 Пакта, полностью применимы при разрешении вопросов, связанных с содержанием под стражей лица, в отношении которого решается вопрос об экстрадиции. Таким образом, Статья 466 § 1 УПК не предполагает возможность применения меры пресечения в виде заключения под стражу вне предусмотренного уголовно-процессуальным законодательством порядка и сверх установленных им сроков применения данной меры пресечения.

2. *Определение Конституционного суда №333-О-Р от 1 марта 2007 года*

73. В этом определении Конституционный Суд вновь повторил, что статья 466 УПК РФ не предполагает возможность применения к лицу, в отношении которого решается вопрос об экстрадиции, меры пресечения в виде заключения под стражу вне предусмотренного уголовно - процессуальным законодательством порядка и сверх установленных им сроков.

3. *Определение Конституционного суда №158-О от 11 июля 2006 года о ходатайстве Генерального прокурора Российской Федерации об официальном разъяснении*

74. Генеральный прокурор Российской Федерации просил Конституционный Суд разъяснить определение № 101-О от 4 апреля 2006 г. (см. выше), и ответить на вопрос, в каком порядке должно осуществляться продление сроков содержания под стражей лиц, к которым данная мера пресечения применена в соответствии со Статьей 466 УПК РФ для обеспечения их возможной выдачи иностранному государству.

75. Конституционный Суд отказал в удовлетворении ходатайства на том основании, что разрешение данного вопроса выходит за рамки компетенции Конституционного суда и относится к ведению судов общей юрисдикции.

4. *Определение Конституционного суда №333-О от 1 марта 2007 года*

76. Конституционный суд вновь сослался на свои предыдущие решения и пояснил, что правом на свободу и личную неприкосновенность в равной степени обладают и граждане России, и иностранные граждане, и лица без гражданства. Иностраный гражданин или лицо без гражданства не могут быть заключены под стражу в России на срок более чем сорок восемь часов в отсутствие соответствующего судебного решения. Такое конституционное требование служит гарантией от чрезмерно длительного, а также от произвольного заключения под стражу. В этом связи суду необходимо рассмотреть, было ли заключение под стражу законным и оправданным.

77. Конституционный суд постановил, что Статья 466 § 1 УПК, в сочетании с положениями Минской конвенции, не должна истолковываться как разрешающая заключение лица под стражу на срок более чем сорок восемь часов на основании требования о его выдаче и в отсутствие судебного решения. Мера пресечения может применяться только в соответствии с порядком, установленным российским законодательством, и на срок, предусмотренный УПК.

III. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ И ПРОЧИЕ ДОКУМЕНТЫ

A. Совет Европы

78. Рекомендация № R (98) 13 Комитета Министров государствам-членам Совета Европы относительно прав лиц, ищущих убежище и получивших отказ, на эффективные средства правовой защиты в отношении решений о высылке в контексте Статьи 3 Европейской конвенции по правам человека, гласит следующее:

«...

Без ущерба осуществлению любого права лицом, ищущим убежище, которое получило отказ, на обжалование такого отказа в предоставлении убежища, в соответствии с рекомендациями, кроме прочих, изложенными в Рекомендации Совета Европы № R (81) 16 Комитета министров...

1. Каждому лицу, ищущему убежище, которое получило отказ в предоставлении убежища и подлежит высылке в страну, в отношении которого такое лицо подает обоснованную жалобу, что он или она может подвергаться пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказаниям.

2. В случае применения параграфа 1 данной рекомендации, средство правовой защиты перед национальным органом власти следует считать эффективным, если ...

2.2. такой орган власти уполномочен принимать решения относительно наличия условий, предусмотренных Статьей 3 Конвенции и предоставлять соответствующую защиту;...

2.4. исполнение решения о высылке приостановлено до принятия решения согласно пункту 2.2.»

79. Уполномоченный по правам человека Совета Европы опубликовал Рекомендацию (CommDH(2001)19) от 19 сентября 2001 года, касательно прав иностранцев, желающих въехать на территорию государства-члена Совета Европы, и приведения в исполнение решений о высылке, часть которой гласит следующее:

«11. Важно, чтобы право на средство судебной защиты по определению Статьи 13 Европейской конвенции по правам человека не только было гарантировано законом, но и предоставлялось на практике, когда лицо заявляет о нарушении или вероятности нарушения прав, гарантированных Европейской конвенцией по правам человека, компетентными органами власти. Право на эффективное средство правовой защиты должно быть предоставлено каждому лицу, которое намерено оспорить решение о принудительном возвращении или высылке. Исполнение решения о высылке должно быть приостановлено, если заявлено, как минимум, о нарушениях Статей 2 или 3 Европейской конвенции по правам человека».

80. Другие относящиеся к делу документы указаны в постановлении Суда по делу *Гебремедхин [Габерамадхин] против Франции*, № 25389/05, §§ 36-38, ECHR 2007-V

В. Конвенция СНГ 1993 года о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минская конвенция)

81. При исполнении поручения об оказании правовой помощи запрашиваемое учреждение применяет законодательство своей страны. По просьбе запрашивающего учреждения оно может применить и процессуальные нормы запрашивающей Договаривающейся Стороны, если только они не противоречат законодательству запрашиваемой Договаривающейся Стороны (Статья 8 § 1).

82. По получении требования о выдаче запрашиваемая страна незамедлительно принимает меры к розыску и взятию под стражу лица, выдача которого требуется, за исключением тех случаев, когда выдача не может быть произведена (Статья 60).

83. Лицо, выдача которого требуется, по ходатайству может быть взято под стражу и до получения требования о выдаче. В ходатайстве должны содержаться ссылка на постановление о взятии под стражу и указание на то, что требование о выдаче будет направлено дополнительно (Статья 61 § 1). О взятии под стражу или задержании лица до получения требования о выдаче необходимо немедленно уведомить запрашивающую страну (Статья 61 § 3).

84. Лицо, заключенное под стражу до завершения судебного разбирательства по вопросу о его экстрадиции согласно Статье 61 § 1 Минской конвенции, должно быть освобождено из-под стражи, если запрашивающая страна не предоставит официальное требование о выдаче со всеми необходимыми сопутствующими документами в течение сорока дней после заключения лица под стражу (Статья 62 § 1).

С. Доклады по Таджикистану

85. Выводы и рекомендации: Таджикистан, опубликованные Комитетом ООН против пыток от 7 декабря 2006 года (CAT/C/TJK/CO/1), относятся к следующим представляющим интерес областям, имеющим отношение к положению в области прав человека в государстве:

«Определение пытки в национальном законодательстве ... не в полной мере соответствует определению, содержащемуся в статье 1 Конвенции, особенно в том, что касается целей применения пытки и ее распространения на всех должностных лиц государства и других лиц, действующих в таком качестве.

...

Существуют многочисленные утверждения о широком распространении практики пыток и жестокого обращения со стороны правоприменительных и следственных органов, в частности для получения признаний и использовании их в ходе уголовного судопроизводства. Кроме того, не принимаются профилактические меры для обеспечения эффективной защиты всех членов общества от пыток и жестокого обращения.

...

Комитет также обеспокоен следующим:

a) отсутствие в законе обязательства регистрировать лиц сразу после их задержания, в том числе до официального ареста и предъявления обвинения, отсутствие надлежаще оформленных протоколов, касающихся ареста и задержания лиц, и не проведение регулярных и независимых медицинских осмотров;

b) многочисленные и постоянно поступающие сообщения о создании препятствий в получении доступа к адвокату, проведении независимой медицинской экспертизы и установлении контактов с родственниками сразу же после ареста, что обусловлено существующим законодательством и практикой, которые допускают отсрочку вышеуказанных контактов до регистрации факта ареста, а сам доступ предоставляется только по разрешению/просьбе должностных лиц;

c) незаконные ограничения доступа к адвокату, врачам и членам семьи, устанавливаемые должностными лицами государства, не расследуются и не наказываются;

d) отсутствие основополагающих гарантий для обеспечения судебного надзора над заключением под стражу, поскольку прокуратура также уполномочена осуществлять такой надзор;

е) широкое распространение практики досудебного содержания под стражей, продолжительность которого может достигать 15 месяцев; и

ф) большое количество лиц, умерших в период содержания под стражей.

...

Постоянно поступают достоверные утверждения о частом использовании сотрудниками правоохранительных органов методов допроса, запрещенных Конвенцией.

...

Имеются сообщения об отсутствии систематического обследования всех мест содержания под стражей национальными или международными надзорными органами, и что регулярный и необъявленный доступ к таким местам запрещен».

86. Международная группа по правам меньшинств в своем документе «Таджикистан: Обзор», обновленном в январе 2008 года, описывает положение меньшинства узбекской национальности в Таджикистане следующим образом:

«Ситуация в Таджикистане во многих отношениях похожа на ситуацию соседних государств. ... После получения независимости таджики пытались утвердить свою доминирующую позицию за счет лингвистических и прочих предпочтений, направленных на дискриминацию и исключение меньшинств, часто ведущих к неприязни и даже массовому переселению. В то время как во время независимости узбеки составляли около четверти населения, многие из них бежали в период гражданской войны. Они продолжают составлять самое многочисленное меньшинство, а именно более 15 процентов населения, в соответствии с данными переписи населения в 2000 году и концентрируются обычно в районах, известных своим противостоянием правительству. Это привело к общему недоверию к узбекам и, в свою очередь, к дискриминирующему отношению к ним во многих учреждениях государства. И снова репрессивные меры были представлены как необходимые во имя борьбы с «терроризмом» и «сепаратизмом». Степень непредставленности меньшинств в общественной жизни пугает: только двое членов Парламента являются узбеками по национальности, несмотря на многочисленность этого меньшинства.

... Несмотря на конституционные положения, которые изначально гарантируют использование языков меньшинств, и, несмотря на большой процент меньшинств в стране, в частности, узбеков, меньшинства в значительной мере не допускаются до трудоустройства в государственных службах».

87. Общемировой доклад Хьюман Райтс Вотч о Таджикистане, изданный в январе 2009 года, описывает положение в области прав человека в стране следующим образом:

Принятое в Таджикистане определение пыток не в полной мере соответствует рекомендациям Комитета ООН против пыток от декабря 2006 г. Позитивным шагом стало изменение в марте 2008 г. Уголовно-процессуального кодекса с целью обеспечения недопустимости в суде полученных под пыткой доказательств.

Эксперты признают, что в большинстве случаев практика пыток остается безнаказанной. В одном из немногих дошедших до суда дел двое сотрудников милиции из Хатлонской области в августе 2008 г. были осуждены за незаконное обращение с несовершеннолетними: один получил четыре года, второй - условный срок.

НПО и местные СМИ сообщали, по меньшей мере, о трех случаях смерти в местах заключения в 2008 г., включая смерть от рака бывшего заместителя председателя Партии исламского возрождения Таджикистана Шамсиддина Шамсиддинова. В партии утверждали, что его арест в 2003 г. был политически мотивированным и что своевременная операция могла бы его спасти.

В решении по жалобе *Рахматов и другие против Таджикистана* от 1 апреля 2008 г. Комитет ООН по правам человека признал правительство ответственным за нарушение прав человека, включая право не подвергаться пыткам, в отношении пяти заявителей, двое из которых на момент ареста были несовершеннолетними. При рассмотрении жалобы Правительство Таджикистана с Комитетом ООН не сотрудничало. Аналогичные нарушения были признаны комитетом 30 октября 2008 г. в решении по жалобе *Хусейнов и Бутаев против Таджикистана*».

88. Доклад Государственного департамента США о практике в области прав человека 2009 года, выпущенный 11 марта 2010 года, содержит следующую информацию относительно Таджикистана:

«Деятельность Правительства Таджикистана по охране и защите прав человека оставалась на низком уровне. Коррупция сдерживала демократические и социальные реформы. Поступали сообщения о следующих проблемах в области прав человека: ... случаи пыток и жестокого обращения с лицами, содержащимися под стражей, и прочими лицами со стороны сил безопасности; безнаказанность сил безопасности, лишение права на справедливое судебное разбирательство; суровые и опасные для жизни условия содержания под стражей, непредоставление международным наблюдателям доступа к заключенным; ...

Закон запрещает ... [жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание], однако, сотрудники служб безопасности практикуют избиения и прочие формы насилия, чтобы получить таким образом признания, хотя такая практика не была систематической. Должностные лица не предоставляют необходимого доступа к информации, чтобы организации по правам человека могли провести независимое расследование по заявлениям о применении пыток.

...

Министерство юстиции продолжало отказывать в доступе к тюрьмам и иным местам лишения свободы представителям международного сообщества и гражданского общества, пытающимся провести независимое расследование по жалобам о жестоком обращении или условиях заключения. Некоторым иностранным дипломатическим миссиям и неправительственным организациям был предоставлен доступ для реализации программ

помощи или выполнения консульских функций, но такой доступ был ограничен административными или медицинскими участками при сопровождении персонала министерства юстиции. Правительство не подписало договор с Международным комитетом Красного креста (МККК), предусматривающий свободный и беспрепятственный доступ в тюрьмы и центры содержания под стражей в Таджикистане, а персонал МКК по международному мониторингу не вернулся в страну после своего отъезда в 2007 году.

Лица, содержащиеся под стражей, и заключенные подавали жалобы о жестоких и опасных для жизни условиях, включая переполненность таких учреждений и отсутствие санитарных условий в них. Заболевания и голод являлись серьезными проблемами, но внешние наблюдатели не имели возможности точно оценить степень серьезности данной проблемы из-за отсутствия доступа. Организации, такие как Совет ООН по правам человека, сообщали о значительном уровне заболеваемости туберкулезом и ВИЧ и низком качестве медицинского обслуживания.

...

Жертвы насильственных действий со стороны служб безопасности могут подать официальную жалобу в письменной форме руководителю должностного лица. Однако большинство жертв предпочитают молчать, чем страдать от мер возмездия со стороны органов власти.

...

Судебные разбирательства являются открытыми, за исключением разбирательств по делам, касающимся национальной безопасности. Закон предусматривает презумпцию невиновности, но на практике подозреваемых заранее считают виновными. ...В делах, касающихся национальной безопасности, присяжные, состоящие из председателя суда и двух «народных заседателей», принимают решение о виновности или невиновности подсудимого. Квалификация заседателей и то, как их выбирают, неизвестны, но они играют пассивную роль, а судебным процессом руководит председатель суда.

...

Органы власти утверждали, что в тюрьмах не содержалось политических заключенных, и что они не проводили задержаний по политическим основаниям. Стороны оппозиции и местные наблюдатели заявляли, что власти избирательно преследовали политических оппонентов. Достоверной оценки количества политических заключенных не проводилось, но бывшие лидеры оппозиции утверждали, что в стране содержались под стражей несколько сотен таких заключенных, включая бывших участников боевиков ОТО».

ПРАВО

I. О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ НАРУШЕНИИ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

89. Заявитель утверждал, что в случае его выдачи в Таджикистан он будет подвергнут жестокому обращению в нарушение Статьи 3 Конвенции. Он также заявлял, что российские органы власти не оценили риск жестокого обращения с ним в запрашивающей стране. Статья 3 Конвенции гласит следующее:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

А. Доводы сторон

90. Власти возражали против доводов заявителя.

91. Генеральная прокуратура Таджикистана предоставила дипломатические заверения относительно того, что заявитель подвергнется преследованию только в отношении преступлений, указанных в запросе о его выдаче, и что он сможет беспрепятственно покинуть Таджикистан после завершения судебного разбирательства и отбывания срока наказания. Также прокуратура Таджикистана заверила, что заявитель не будет выслан, передан или выдан третьему государству без согласия российских органов власти. Задачей Уголовного кодекса Таджикистана является защита прав человека, а приговор, выносимый обвиняемому, не может преследовать цели причинить физические страдания лицу или унижить его достоинство.

92. Министерство иностранных дел России уведомило Генеральную прокуратуру России об отсутствии оснований, препятствующих выдаче заявителя, поскольку Таджикистан, являясь членом ООН, взял на себя обязательство соблюдать Всеобщую декларацию прав человека и создать институт Уполномоченного по правам человека в Таджикистане. Помимо этого, Таджикистан ратифицировал Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года, Конвенцию о беженцах 1989 года, Конвенцию против пыток 1984 года и другие договоры.

93. Утверждения Заявителя о риске жестокого обращения с ним в Таджикистане не были подтверждены. Следовательно, его выдача не может повлечь обращение, которое запрещено Статьей 3 Конвенции.

94. Заявитель поддержал свои доводы.

В. Оценка Суда

1. Приемлемость

95. Суд отмечает, что требование заявителя о нарушении Статьи 3 Конвенции не является явно необоснованным согласно Статье 35 § 3 Конвенции. Суд также отмечает, что отсутствуют другие основания считать жалобу неприемлемой. Таким образом, Суд объявляет жалобу приемлемой.

2. Существо жалобы

(а) Общие принципы

96. Суд прежде всего отмечает, что плохое обращение должно достигать минимального уровня жестокости, чтобы попасть в сферу действия Статьи 3. Суд подчеркнул относительный характер оценки минимального уровня жестокости: он зависит от всех обстоятельств дела, таких как характер и контекст подобного обращения и наказания, способы и методы их исполнения, продолжительность указанного обращения, его воздействие на физическое и психическое состояние лица, а в некоторых случаях, и от пола, возраста и состояния здоровья жертвы (смотри дело *T. против Великобритании* [GC], №24724/94, § 68, 16 декабря 1999 года). Утверждение о жестоком обращении должно быть подтверждено соответствующими доказательствами. Для их оценки Суд применяет критерий доказанности «вне разумного сомнения», но добавляет, что такая доказанность может только следовать из строгих, ясных и согласованных умозаключений или неопровержимых презумпций (смотри *Йаллох против Германии* [GC], № 54810/00, § 67, ECHR 2006-IX).

97. Далее Суд напоминает, что решение государства-участника о выдаче может повлечь нарушение Статьи 3 и как следствие ответственность государства по Конвенции, если имелись веские основания полагать, что выданное лицо столкнется с реальным риском подвергнуться пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию в стране, требующей его экстрадиции. Чтобы возложить такую ответственность, необходимо оценить условия в этой стране в сопоставлении их с требованиями статьи 3 Конвенции. При этом вопрос об ответственности страны, в которую осуществляется экстрадиция, не возникает ни в соответствии с международным правом, ни в соответствии с Конвенцией, ни каким бы то ни было иным образом (смотри *Серинг против Великобритании*, 7 июля 1989 года, § 91, Серия А №161).

98. Для оценки доказанности того, подвергнется ли заявитель жестокому обращению, запрещенному Статьей 3 Конвенции, Суд обязан изучить все представленные доказательства по делу или, в случае необходимости, получить доказательства по собственной инициативе (смотри *H.L.R. против Франции*, 29 апреля 1997 года, § 37, Доклады о судебных постановлениях и решениях 1997-III). В силу того, что характер ответственности государства-участника по Статье 3 в подобных делах определяется исходя из самого акта выдачи, ставящего лицо в ситуацию риска жестокого обращения, наличие такого риска должно оцениваться, главным образом, с точки зрения фактов, которые были известны или должны были быть известны государству-участнику в момент выдачи лица (смотри *Круз Варас и другие против Швеции*, 20 марта 1991 года, §§ 75-76, Серия А №201, и *Вилварайах и другие против Великобритании*, 30 октября 1991 года, § 107, Серия А № 215). Однако если заявитель не был экстрадирован на момент рассмотрения дела Судом, Европейский Суд будет рассматривать дело в свете судебных процедур до момента подачи жалобы (смотри *Чахал против Великобритании*, 15 ноября 1996 года, §§ 85-86, Доклады 1996-V).

99. Для того чтобы определить, существует ли риск жестокого обращения с заявителем, Суд обязан рассмотреть последствия его возможной выдачи, учесть общую обстановку в принимающем государстве и обстоятельства дела заявителя (смотри *Вилварайах и другие*, приведено выше, § 108 в конце). Принципиальным для заявителя является предоставление доказательств, подтверждающих риск жестокого обращения, противоречащего Статье 3 (смотри *Н. против Финляндии*, № 38885/02, § 167, 26 июля 2005 года). Если такие доказательства предоставлены, Власти обязаны устранить все имеющиеся сомнения (смотри *Рябкин против России*, № 8320/04, § 112, 19 июня 2008 года).

100. Что касается общей обстановки в отдельно взятом государстве, Суд считает, что он вправе придать особую важность информации, содержащейся в недавних докладах международных организаций по защите прав человека, таких как «Международная амнистия», или сведениям из государственных источников, включая Государственный департамент США (смотри, например, *Чахал*, приведено выше, §§ 99-100, *Муслим против Турции*, №53566/99, § 67, 26 апреля 2005 года, *Сауд против Нидерландов*, № 2345/02, § 54, 5 июля 2005 года, и *Аль-Моайад против Германии* (решение), № 35865/03, §§ 65-66, 20 февраля 2007 года). В то же время наличие одной возможности жестокого обращения вследствие неустойчивой обстановки в принимающей стране само по себе не может составить нарушение Статьи 3 (смотри *Вилварайах и другие*, приведено выше, § 111, и *Фатган Катани и другие против Германии* (решение), №67679/01, 31 май 2001 года). Если источники, доступные Суду, содержат описание общей обстановки, конкретные утверждения заявителя должны быть подкреплены другими доказательствами (смотри *Маматкулов и Аскарлов против Турции* [GC], № 46827/99 и 46951/99, § 73, ECHR 2005-I).

(b) Применение вышеприведенных принципов в настоящем деле

101. В соответствии с указанной выше практикой, Суду необходимо установить, приведут ли предполагаемые последствия выдачи заявителя в Таджикистан к нарушению Статьи 3 Конвенции. Ввиду того, что заявитель еще не выдан в Таджикистан, благодаря примененному Правилу 39 Регламента Европейского Суда, датой оценки такого риска является дата рассмотрения дела Судом.

102. По утверждению заявителя, его опасения о возможном жестоком обращении в Таджикистане обоснованы двумя факторами. Во-первых, ссылаясь на ряд докладов, заявитель утверждает, что общее положение в области прав человека в принимающей стране является плачевным. Во-вторых, он заявляет, что он лично понесет более высокий риск жестокого обращения, чем какое-либо другое лицо, заключенное под стражу в Таджикистане, так как уголовное преследование в отношении него имеет политический характер, и так как он является узбеком по национальности.

103. Соответственно, Суд в первую очередь рассмотрит вопрос о том, может ли общая политическая обстановка в Таджикистане служить основанием для жестокого обращения по отношению к заявителю в принимающей стране. В этой связи суд отмечает, что согласно утверждениям Властей, Таджикистан уважает основные права человека. Однако

в делах, касающихся иностранцев, в отношении которых решается вопрос об экстрадиции, Суд имеет право сравнить доказательства, предоставленные Властями, с доказательствами, полученными из надежных и объективных источников (смотри *Салах Шейх против Нидерландов*, № 1948/04, § 136, ECHR 2007-I и *Саади против Италии* [GC], № 37201/06, § 131, ECHR 2008-...).

104. Суд в этой связи отмечает, что доказательства, полученные из ряда объективных источников, недвусмысленно подтверждают, что общая ситуация в области прав человека в Таджикистане вызывает серьезную озабоченность. Например, Комитет против пыток указал, что таджикское законодательство в отношении запрета пыток не полностью соответствует тексту Конвенции против пыток, что само по себе вызывает подозрения по поводу степени защиты, предоставляемой тем, кто заявляет о жестоком обращении. Комитет также подчеркнул, что часто факт заключения под стражу нигде не фиксируется, и лица, заключенные под стражу, лишены права на адвоката и медицинской помощи, и часто используются методы допроса, запрещенные Конвенцией против пыток (смотри параграф 85 выше). Организация «Хьюман Райтс Вотч» отметила, что освобождение государственных служащих от ответственности за применение пыток является нормой в рассматриваемом государстве (смотри параграф 87 выше). Государственный департамент США также сообщил о частом применении пыток сотрудниками безопасности и отметил, что государственные органы отказывали независимым наблюдателям в беспрепятственном доступе в места лишения свободы, включая сотрудников Международного комитета Красного креста (смотри параграф 88 выше).

105. Доводы властей не убедили Суд в том, что факт ратификации Таджикистаном основных документов по правам человека исключает риск жестокого обращения в запрашивающей стране. Наличие соответствующих положений внутреннего права и ратифицированных международных договоров, гарантирующих уважение основных прав человека, само по себе недостаточно для обеспечения соответствующей защиты от риска жестокого обращения. В настоящем деле надежные источники сообщают о действиях, противоречащих принципам Конвенции, к которым прибегают или которые допускают органы власти (смотри *Саади*, приведено выше, § 147 *в конце*). В связи с тем, что Власти не смогли убедительно доказать, что ситуация в области прав человека в Таджикистане значительно улучшилась по сравнению с той ситуацией, которая была описана в вышеупомянутых докладах организаций, Суд готов признать, что жестокое обращение с лицами, заключенными под стражу, является проблемой в Таджикистане и по настоящий момент.

106. Тем не менее, Суд отмечает, что приведенные выше аргументы об общей ситуации в принимающем государстве должны быть подтверждены конкретными доказательствами и требуют также наличия других доказательств (смотри *Маматкулов и Аскарлов*, приведено выше, § 73). В этой связи Суд также обязан проверить, оценили ли органы власти риск жестокого обращения к моменту принятия решения о выдаче (смотри *Рябкин*, приведено выше, § 117).

107. Заявитель утверждал, что риск подвергнуться жестокому обращению в Таджикистане усугублялся его узбекским происхождением. В связи с этим Суд отмечает, что в докладах присутствуют данные о дискриминации в отношении узбеков в Таджикистане (смотри параграф 86 выше). Более того, заявитель обратил внимание российских органов власти на тот факт, что обвинения, предъявляемые ему, были связаны с событиями, произошедшими вследствие гражданской войны. Соответственно, Суд отмечает, что по данным Государственного департамента США несколько сотен политических заключенных, включая бывших оппонентов правящей партии, которые участвовали в гражданской войне, до сих пор содержатся под стражей в Таджикистане (смотри параграф 88 выше).

108. Суд также отмечает, что УВКБ ООН в России, изучив дело заявителя, заключило, что обвинение в бандитизме представляло собой завуалированное преследование «по политическим убеждениям, приписываемым заявителю, так как [таджикские органы власти] обвиняли заявителя в причастности к антигосударственной деятельности, в виду того что он являлся членом групп ополчения, подозреваемых в участии в вооруженном конфликте августа 1997 года» (смотри параграф 46 выше). При таких обстоятельствах Суд считает, что личное положение заявителя, скорее всего, усугубит риск жестокого обращения в Таджикистане (смотри, *с внесенными изменениями, Чахал*, приведено выше, § 106).

109. Ссылка Властей на то, что заявитель не подал ходатайство о предоставлении ему убежища по прибытии в Россию, не может опровергнуть его утверждения о риске жестокого обращения с ним, так как защита, предусмотренная Статьей 3 Конвенции в любом случае шире, чем защита, предусмотренная Статьями 32 и 33 Конвенции ООН о статусе беженцев 1951 года (смотри, *с внесенными изменениями, Саади*, приведено выше, § 138). Более того, следует обратить внимание на то, что УВКБ ООН в России признало, что заявитель подпадал под определение «беженца» по смыслу Конвенции 1951 года (смотри параграф 46 выше).

110. Учитывая вышеизложенное, Суд считает, что представлены достаточные доказательства того, что заявитель понесет риск обращения, противоречащего Статье 3 Конвенции, в случае его выдачи Таджикистану.

111. Суд отмечает, что Власти ссылались на заверения Генеральной прокуратуры Таджикистана в том, что заявитель не подвергнется жестокому обращению в принимающем государстве (смотри параграфы 34 и 36 выше). Однако Суд отмечает, что в письмах Генеральной прокуратуры Таджикистана, на которые ссылаются Власти, не содержится никакой информации о предоставляемой защите заявителю от жестокого обращения, запрещенного Статьей 3 Конвенции. Только заявление о том, что Таджикистан ратифицировал Конвенцию против пыток, нельзя считать гарантией защиты от риска пыток в Таджикистане. В любом случае одних дипломатических заверений недостаточно для обеспечения надлежащей защиты от риска жестокого обращения в том случае, если надежные источники сообщают о действиях, противоречащих принципам

Конвенции, к которым прибегают или которые допускают органы власти (смотри *Саади*, приведено выше, §§ 147-48).

112. Наконец, Суд рассмотрит утверждение заявителя о том, что российские органы власти не провели тщательного расследования возможности жестокого обращения в запрашивающей стране. Власти не оспаривали тот факт, что заявитель обращал внимание местных органов власти на риск преследования в Таджикистане по этническим и политическим основаниям. Более того, Верховный суд отменил постановление от 1 апреля 2009 года ввиду того, что Московский городской суд не уделил должного внимания доводам защиты о политическом характере преследования (смотри параграф 35 выше).

113. Тем не менее, при пересмотре жалобы на решение о выдаче, Московский городской суд лишь установил, что доклад г-жи Рябиной был необоснованным (смотри параграф 37 выше). Верховный суд, в свою очередь, при анализе риска жестокого обращения с заявителем ограничился ссылкой на заверения Генеральной прокуратуры Таджикистана (смотри параграф 38 выше). Европейский суд поражен тем фактом, что и городской и Верховный суды заявили, что письма Генеральной прокуратуры от 10 апреля и 26 мая 2009 года предоставляли необходимые гарантии от риска жестокого обращения в Таджикистане, тогда как ни один из этих документов не является заверением как таковым. Таким образом, Суд приходит к выводу, что внутригосударственные суды не изучили должным образом материалы, представленные по делу о выдаче заявителя. Также следует отметить, что внутригосударственные суды не рассмотрели тот факт, что обвинения, предъявленные заявителю, были связаны с последствиями гражданской войны и выдвинуты в качестве «ответного удара» бывшим политическим оппонентам.

114. При таких обстоятельствах Суд заключает, что российские органы власти не рассмотрели надлежащим образом опасения заявителя в отношении Статьи 3.

115. Таким образом, Суд приходит к выводу, что исполнение решения о выдаче заявителя повлечет за собой нарушение Статьи 3 Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

116. Заявитель жаловался на то, что содержание его под стражей во время рассмотрения запроса о его экстрадиции было незаконным и противоречило Статье 5 § 1 (f) Конвенции. Он также утверждал о нарушении Статьи 5 § 4 Конвенции в том, что у него не было возможности оспорить в российских судах правомерность его заключения под стражу до завершения рассмотрение запроса об экстрадиции.

117. В той мере, в которой это относится к делу, Статья 5 Конвенции гласит следующее:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

...

f) законное задержание или заключение под стражу лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого предпринимаются меры по его высылке или выдаче.

...

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомочности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным».

A. Доводы сторон

1. Власти

118. Власти Российской Федерации возражали против доводов заявителя. Они утверждали, что заключение заявителя под стражу в ожидании экстрадиции было осуществлено согласно постановлению от 18 июня 2008 года, и что рассматриваемое постановление было принято по результатам судебного слушания, на котором присутствовал и заявитель, и его адвокат. Заявителю сообщили о средствах обжалования постановления о заключении его под стражу. Соответственно, заключение заявителя под стражу было «законным» по смыслу Статьи 5 § 1 Конвенции.

119. Далее Власти ссылались на определение Конституционного суда от 1 марта 2007 года (смотри параграфы 76 и 77 выше), в котором было установлено, что заключение заявителя под стражу должно соответствовать требованиям Статьи 466 § 1 УПК и Главы 13 УПК, и что данные положения были в достаточной степени ясны.

120. Продолжительность заключения заявителя под стражу объяснялась сложностью проверки, предпринятой Генеральной прокуратурой России в отношении национальности заявителя. Последующее содержание под стражей с 3 декабря 2008 года, когда заявителю было вручено постановление о выдаче, обосновывалось тем, что заявитель обжаловал указанное постановление, а также было применено Правило 39 Регламента Европейского Суда.

121. Власти утверждали о наличии возможности подать жалобу заявителем в отношении неправомерности заключения под стражу согласно процедуре, описанной в определении Конституционного суда от 1 марта 2007 года, а именно, в соответствии со Статьями 97 – 101 и 108 – 110 УПК и Главой 54 УПК. Заявитель неоднократно обжаловал незаконность его заключения под стражу, в частности, в Бабушкинский, Тверской и Замоскворецкий районные суды города Москвы, а также начальнику СИЗО.

122. Власти заключили, что права заявителя по Статье 5 Конвенции не нарушены.

2. Заявитель

123. Заявитель утверждал, что срок его заключения под стражу превысил максимально допустимый по Статье 109 УПК и не продлевался в нарушение внутреннего законодательства, так как постановление от 18 июня 2008 года нельзя рассматривать как постановление о продлении срока заключения под стражу. Заявитель также утверждал, что срок его заключения под стражу был «непредвиденным», что нарушает требование о качестве закона. Прокуратура России не обращалась в суд за продлением срока заключения под стражу, а внутригосударственные суды пришли к выводу, что прокуроры не обязаны обращаться в суд в случае, если отсутствует уголовное судопроизводство в отношении заявителя в России. Также ввиду применения Правила 39 Регламента Европейского Суда постановление о выдаче заявителя не было вынесено и, соответственно, его заключение под стражу перестало быть законным по смыслу Статьи 5 § 1 (f) Конвенции.

124. Заявитель поддержал свои требования по Статье 5 § 4 Конвенции.

В. Оценка Суда

1. Приемлемость

125. Суд отмечает, что доводы заявителя о нарушении Статьи 5 §§ 1 и 4 нельзя считать явно необоснованными ни по смыслу пункта 3 статьи 35 Конвенции, ни по другим основаниям. Таким образом, Суд заключает, что доводы заявителя приемлемы.

2. Существо

(а) Статья 5 § 1 Конвенции

126. Суд подчеркивает важность Статьи 5 в системе Конвенции: она закрепляет основное право человека, а именно защиту каждого от произвольного вмешательства государства в его право на свободу (смотри *Аксой против Турции*, 18 декабря 1996 года, § 76, *Доклады* 1996-VI). Статья 5 четко определяет, что предусмотренные в ней гарантии применяются к «каждому» (смотри *А. и другие против Великобритании* [GC], № 3455/05, § 162, ECHR 2009-...). Исчерпывающий перечень обстоятельств, при которых лицо может быть лишено свободы на законных основаниях, приводится в Статье 5 § 1 (a) - (f). Лишение свободы, выходящее за рамки этого перечня, не может быть признано законным (там же, § 163).

127. Стороны сошлись во мнении, что заявитель был заключен под стражу как лицо, «против которого было возбуждено судебное разбирательство с целью ... выдачи», и что его заключение под стражу подпадало под действие Статьи 5 § 1 (f). Однако стороны расходятся во мнении о том, было ли заключение под стражу «законным» по смыслу Статьи 5 § 1 Конвенции.

128. При рассмотрении «законности» заключения под стражу, включая вопрос о соблюдении «порядка, установленного законом», Конвенция в основном отсылает к

национальному законодательству и устанавливает обязательство соблюдать материальные и процессуальные нормы национального законодательства. Однако Конвенция также требует, чтобы любое лишение свободы соответствовало целям статьи 5, а именно – защите лиц от произвола (смотри *Эркало против Нидерландов*, 2 сентября 1998 года, § 52, Доклады 1998-VI, и *Стил и другие против Великобритании*, 23 сентября 1998 года, § 54, Доклады 1998-VII).

129. Несмотря на то, что толкование и последующее применение национального законодательства является приоритетным для национальных властей и, в частности для судов, несоответствие национального законодательства пункту 1 статьи 5 Конвенции означает нарушение Конвенции. Суд, таким образом, вправе и обязан рассмотреть соответствие национального права Конвенции (смотри *Бенхам против Великобритании*, 10 июня 1996 года, § 41, Доклады 1996-III, *Йекус против Литвы*, №34578/97, § 68, ECHR 2000-IX, и *Ладент против Польши*, №11036/03, § 47, ECHR 2008-...).

130. Исследовав обстоятельства настоящего дела, Суд отмечает, что, запрос о выдаче заявителя сопровождался постановлением о розыске, выданным таджикским прокурором, а не решением таджикского суда. Первоначальное заключение заявителя под стражу было совершено согласно постановлению российского суда от 19 апреля 2008 года в соответствии со Статьями 97, 99 и 108 и Статьей 466 § 1 УПК (смотри параграф 49 выше).

131. Разногласие между сторонами возникло по вопросу о том, достаточно ли одного постановления Таганского районного суда для содержания заявителя под стражей в течение неопределенного периода времени до принятия решения о выдаче, или же необходимо регулярно проверять правомерность его содержания под стражей (смотри *Насруллоев против России*, № 656/06, § 73, 11 октября 2007 года).

132. По мнению Властей, срок заключения под стражу регулируется Статьей 109 УПК, которая допускает в отношении лиц, обвиняемых в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, продление срока заключения под стражу до двенадцати месяцев. В то же время Суд отмечает, что заключение под стражу будет «законным» по смыслу Статьи 109 § 2 УПК только при наличии дополнительного судебного постановления (смотри параграф 67 выше).

133. Согласно заявлению Властей, заключение заявителя под стражу было санкционировано Таганским районным судом на основании Статьи 108 УПК первоначально 19 апреля 2008 года, а затем 18 июня 2008 года (смотри параграфы 49 и 50 выше). Суд озабочен тем фактом, что один и тот же районный суд повторно избрал ту же меру пресечения в отношении заявителя спустя один месяц и двадцать девять дней после своего первого решения, хотя заявитель в течение этого периода все еще содержался под стражей. Тем не менее, Европейский Суд готов допустить, что 18 июня 2008 года Таганский районный суд ошибочно сослался на Статью 108 УПК, которая регулирует первоначальное заключение под стражу, а не продление срока заключения под стражу, и фактически продлил срок заключения заявителя под стражу до истечения двух месяцев, как того требует Статья 109 § 2 УПК.

134. Если это так, то Суд усматривает, что когда Верховный суд вынес решение оставить заявителя под стражей до 4 июня 2009 года, никакого постановления о продлении срока заключения под стражу не последовало (смотри параграф 57 выше). Соответственно, внутригосударственным судам потребовалось десять месяцев и двадцать пять дней, чтобы пересмотреть вопрос о заключении заявителя под стражу в ожидании экстрадиции.

135. При таких обстоятельствах Суд приходит к выводу, что после 17 октября 2008 года, а именно, через шесть месяцев со дня заключения заявителя под стражу, он содержался в нарушение положений Статьи 109 § 2 УПК. Таким образом, заключение заявителя под стражу в ожидании экстрадиции не может считаться «законным» для целей Статьи 5 § 1 Конвенции. При таких обстоятельствах Суд не видит необходимости в рассмотрении дополнительных аргументов заявителя, касающихся качества внутригосударственного права и продолжительности его заключения под стражу.

136. Таким образом, имело место нарушение Статьи 5 § 1 Конвенции.

(b) Статья 5 § 4 Конвенции

137. Суд напоминает, что цель пункта 4 статьи 5 состоит в том, чтобы гарантировать арестованным и задержанным лицам право на судебный контроль за законностью меры, которой они подверглись (смотри, с внесенными изменениями, *Де Вилде, Оомс и Версип против Бельгии*, 18 июня 1971 года, § 76, Серия А № 12). Во время содержания под стражей лицо должно иметь доступ к таким средствам правовой защиты, которые позволили бы добиться безотлагательного рассмотрения правомерности его содержания под стражей, что при соответствующих обстоятельствах сможет привести к его освобождению. Такие средства правовой защиты должны достоверно существовать в соответствии с требованием пункта 4 статьи 5, в противном случае они не будут «доступными» и «эффективными» (смотри *Талат Тепе против Турции*, № 31247/96, § 72, 21 декабря 2004 года).

138. Суд отмечает, что стороны сходятся во мнении, что заявитель провел более двух лет под стражей в ожидании экстрадиции. Суд считает, что в течение этого периода могли возникнуть новые факторы, влияющие на правомерность его заключения под стражу, и соответственно в силу Статьи 5 § 4 заявитель имел право обратиться в «суд» для «безотлагательного» рассмотрения «законности» его заключения (смотри *Исмоилов и другие против России*, № 2947/06, § 146, ECHR 2008-...).

139. Суд неоднократно приходил к заключению, что положения Статей 108 и 109 УПК не позволяют задержанным в ожидании экстрадиции обжаловать правомерность заключения под стражу при отсутствии постановления прокурора о продлении срока заключения под стражу (смотри *Насруллоев*, приведено выше, § 88, *Исмоилов и другие*, приведено выше, § 151, и *Муминов против России*, №42502/06, § 114, 11 декабря 2008 года). Более того, в настоящем деле попытка адвоката заявителя обжаловать бездействие прокурора, выразившееся в том, что прокурор не подал ходатайство о продлении срока,

оказалась безрезультатной. Замоскворецкий районный суд постановил, что Статья 125 УПК не применима в деле заявителя (смотри параграфы 56 и 60 выше).

140. При таких обстоятельствах Суд не удовлетворен тем, что положения внутригосударственного права препятствовали заявителю обжаловать правомерность его заключения под стражу.

141. Из этого следует, что в течение всего срока заключения в ожидании экстрадиции заявитель не имел доступа к какой-либо процедуре для обжалования в суде правомерности заключения под стражу.

142. Таким образом, имело место нарушение Статьи 5 § 4 Конвенции.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 6 § 2 КОНВЕНЦИИ

143. Заявитель жаловался на то, что формулировка постановления о выдаче нарушала принцип презумпции невиновности и Статью 6 § 2 Конвенции, которая гласит следующее:

«Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления считается невиновным, до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком».

A. Доводы сторон

144. Власти утверждали, что в постановлении о выдаче указывалось лишь деяние, в совершении которого заявитель обвинялся в соответствии с российским законодательством, и не содержалось заключения о признании его виновным.

145. Заявитель утверждал, что Генеральная прокуратура России в постановлении от 20 ноября 2008 года установила виновность заявителя, тем самым, нарушив презумпцию невиновности. Заявитель предположил, что такое утверждение могло оказать влияние на суд Таджикистана. Следовательно, презумпция невиновности в его деле была нарушена.

B. Оценка Суда

146. Суд подчеркивает, что Статья 6 § 2 Конвенции направлена на защиту принципа справедливого судебного разбирательства от пагубных заявлений о виновности лица, сделанными в тесной связи с производством по данному делу. В отсутствии производства по делу, такие заявления об уголовно наказуемом деянии либо ином достойном порицания поведении имеют значение в целях защиты от клеветы и обеспечения адекватного доступа к правосудию, а также могут затрагивать некоторые аспекты Статей 8 и 6 Конвенции (смотри *Золльманн против Великобритании* (решение), №62902/00, 20 ноября 2003 года).

147. Закрепленная в Статье 6 § 2 Конвенции презумпция невиновности является одним из элементов справедливого уголовного судопроизводства, которое требует параграф 1 (смотри *Алленет де Рибемонт против Франции*, 10 февраля 1995 года, § 35, Серия А

№ 308). Она запрещает преждевременное выражение судом своего мнения о том, является ли лицо, «обвиняемое в совершении уголовного преступления», виновным, до того, как это будет доказано в соответствии с законом (смотри *Минелли против Швейцарии*, 25 марта 1983 года, § 37, Серия А № 62). Презумпция невиновности также распространяется на заявления, сделанные другими должностными лицами, относительно уголовных дел, рассмотрение которых продолжается, и заставляющие поверить в виновность подозреваемого, тем самым, подрывая оценку фактов компетентным судебным органом (смотри *Алленет де Рибемонт*, приведено выше, § 41, и *Буткевичиус против Литвы*, № 48297/99, § 49, ECHR 2002-II).

148. Суд уже неоднократно приходил к выводу, что Статья 6 § 2 Конвенции применяется, если решение вопроса об экстрадиции является прямым и сопутствующим следствием незаконченного уголовного расследования в отношении лица в принимающем государстве (смотри *Исмоилов и другие*, приведено выше, § 164), и не видит оснований отступить от этого подхода и в настоящем деле.

149. Суд подчеркивает, что презумпция невиновности будет нарушена, если судебный акт или заявление должностного лица в отношении индивида, обвиняемого в совершении преступления, отражает мнение о его виновности и высказано до того, как это лицо будет признано виновным в соответствии с законом (смотри *Гарики против Польши*, № 14348/02, § 66, 6 февраля 2007 года). Должно быть проведено фундаментальное различие между заявлением о том, что лицо подозревается в совершении преступления, и заявлением о его виновности, в отсутствие окончательного признания вины за совершенное деяние. Суд подчеркивает важность используемых слов должностными лицами в своих высказываниях до вынесения приговора судом о виновности лица в совершении преступления (смотри *Бёмер против Германии*, №37568/97, §§ 54 и 56, 3 октября 2002 года, и *Нестак против Словакии*, № 65559/01, §§ 88 и 89, 27 февраля 2007 года). Нарушает ли утверждение должностного лица принцип презумпции невиновности, следует определять в контексте конкретных обстоятельств, в которых данное заявление было сделано (смотри *Дактарас против Литвы*, № 42095/98, § 43, ECHR 2000-X, и *А.Л. против Германии*, № 72758/01, § 31, 28 апреля 2005 года).

150. Изучив обстоятельства настоящего дела, Суд отмечает, что в постановлении о выдаче от 20 ноября 2008 года утверждалось, что «действия [г-на] М. Хайдарова заслуживают наказания в соответствии с российским уголовным законодательством и должны быть классифицированы по Статье 209 § 2 Уголовного кодекса России» (смотри параграф 21 выше). По мнению Европейского Суда, указанное постановление, прежде всего, ссылалось на классификацию инкриминируемого заявителю деяния в соответствии с российским законодательством. Однако формулировка, используемая Генеральной прокуратурой России, была неудачной, так как отсутствовало указание на то, что заявитель только подозревался в совершении «деяния, заслуживающего наказания в соответствии с российским уголовным законодательством». Суд считает, что Генеральная прокуратура России таким образом не пыталась решить вопрос о виновности заявителя – что явно не входит в ее компетенцию – а определяла правовые основания для его выдачи (смотри, с внесенными изменениями, *Дактарас*, приведено выше, § 44).

151. При таких обстоятельствах Суд не считает, что постановление о выдаче содержит заявление о виновности заявителя в нарушение принципа презумпции невиновности (смотри, для сравнения, *Исмойлов и другие*, приведено выше, § 168).

152. Из этого следует, что данная часть заявления подлежит отклонению, как явно необоснованная согласно Статье 35 §§ 3 and 4 Конвенции.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

153. Заявитель утверждал, что он не имел никаких эффективных средств правовой защиты в отношении предполагаемого нарушения Статьи 3 Конвенции, что в свою очередь противоречит Статье 13 Конвенции, которая гласит следующее:

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

154. Власти оспорили утверждения заявителя и заявили, что у него были эффективные средства правовой защиты по отношению к его жалобам.

155. Заявитель поддержал свои требования.

156. Суд отмечает, что требования заявителя о предполагаемом нарушении этой Статьи, уже рассматривались в контексте Статьи 3 Конвенции. Ссылаясь на приведенные выше доводы (смотри параграф 114 выше), Суд считает, что если жалоба по Статье 13 в сочетании со Статьей 3, является приемлемой, нет необходимости отдельно рассматривать данную жалобу по существу в свете Статьи 13 (смотри, *с внесенными изменениями, Шайпова и другие против России*, №10796/04, § 124, 6 ноября 2008 года, и *Макарациз против Греции* [GC], № 50385/99, §§ 84-86, ECHR 2004-XI).

V. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

157. Статья 41 Конвенции предусматривает, что:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

158. Заявитель потребовал выплаты 15000 Евро в качестве возмещения морального вреда, понесенного в связи с его неправомерным заключением под стражу и тем фактом, что он нес риск жестоко обращения в случае его выдачи.

159. Власти утверждали, что заявленная сумма была необоснованной и что установление факта нарушения Конвенции самого по себе достаточно для справедливой компенсации.

160. Суд отмечает, что в настоящем деле установлен ряд нарушений и признает, что заявителю был причинен моральный вред, который не может быть возмещен лишь выявлением факта нарушений. Таким образом, Суд считает уместным присудить ему в качестве компенсации 15000 евро.

В. Издержки и расходы

161. Заявитель потребовал выплаты 55000 российский рублей (эквивалентных 1240 Евро) за представление его интересов г-жой Магомедовой на национальном уровне. Он предоставил два счета, подтверждающих оплату указанной суммы. Далее заявитель потребовал, ссылаясь на табель учета рабочего времени его адвокатов, выплаты 3800 Евро за представление его интересов г-жой Магомедовой перед Судом, а также 1600 Евро за представление его интересов г-жой Рябининой. В табелях учета рабочего времени не были указаны почасовые ставки адвокатов. Далее заявитель потребовал возмещения почтовых и административных расходов в размере 7% от судебных издержек, что составляло 464 Евро.

162. Власти заявили, что заявитель обосновал свои требования в сумме 55000 рублей, предъявив надлежащие доказательства, но не предоставил надлежащего подтверждения, что он фактически понес остальные суммы расходов.

163. В соответствии с практикой Суда, заявитель имеет право на возмещение расходов и издержек только, если он докажет, что они были фактически понесены в силу необходимости и являются обоснованными в части их размеров. В настоящем деле, учитывая находящиеся в распоряжении суда документы и вышеупомянутые критерии, суд отклоняет требование выплаты издержек и расходов, понесенных в связи с судебным разбирательством в Страсбурге, как неподтвержденное, и считает уместным присудить заявителю сумму в размере 1240 Евро, понесенную в связи с внутригосударственными судебными разбирательствами.

С. Пени

164. Суд считает уместным, что сумма пеней по выплате компенсации должна быть установлена в размере предельной годовой процентной ставки по займам Европейского Центрального банка, плюс 3%.

ВВИДУ ВЫШЕИЗЛОЖЕННОГО СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Объявил* жалобу по Статьям 3, 5 и 13 приемлемыми, а остальную часть жалобы неприемлемой;

2. *Постановил*, что приведение в действие постановления о выдаче заявителя Таджикистану повлечет за собой нарушение Статьи 3 Конвенции;
3. *Постановил*, что имело место нарушение Статьи 5 § 1 Конвенции;
4. *Постановил*, что имело место нарушение Статьи 5 § 4 Конвенции;
5. *Постановил*, что отдельных вопросов по Статье 13 Конвенции в отношении заявленного нарушения Статьи 3 Конвенции не возникает;
6. *Постановил*
 - (a) что Государство-ответчик обязано выплатить заявителю в течение трех месяцев с даты, когда судебное решение станет окончательным в соответствии со статьей 44 § 2 Конвенции, следующие суммы, плюс сумму любых взимаемых налогов, подлежащие переводу в Российские рубли по курсу, действующему на дату платежа:
 - (i) 15000 Евро (пятнадцать тысяч Евро) за моральный вред; и
 - (ii) 1240 Евро (одна тысяча двести сорок Евро) за издержки и расходы;
 - (b) что с момента истечения вышеупомянутых трех месяцев до платежа выплачивается простой процент от вышеупомянутой суммы в размере предельной годовой процентной ставки по займам Европейского Центрального Банка в течение срока неуплаты, плюс 3%.
7. *Отклонил* оставшуюся часть требований заявителя о справедливой компенсации.

Составлено на английском языке, надлежащее уведомление осуществлено 20 мая 2010 года в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Европейского Суда.

Сёрен НИЛЬСЕН
Секретарь Секции Суда

Христос РОЗАКИС
Председатель Палаты